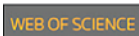

Архипова Н. Е. «Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии / Н. Е. Архипова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 378—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396.

Arkhipova, N. E. (2022). “Parish Revolution” of 1917 in Nizhny Novgorod Diocese. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 378-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396

«Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии

Архипова Наталья Евгеньевна
ORCID.org/0000-0002-2770-680X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и
социально-правовых наук
arx78@mail.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

“Parish Revolution” of 1917 in Nizhny Novgorod Diocese

Natalia E. Arkhipova
orcid.org/0000-0002-2770-680X
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and
Social and Legal Sciences
arx78@mail.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Архипова Н. Е., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются проявления «церковной революции» на приходском уровне в Нижегородской епархии весной-летом 1917 года. Новизна исследования состоит в изучении «приходской революции» на местном уровне на основе анализа впервые введенных в научный оборот неопубликованных документов Нижегородской Духовной консистории, губернского комиссара и т. д. Автор выделил следующие проявления «революции» на нижегородских приходах: самовольное установление крестьянами цен за исполнение треб, отказ платить епархиальные налоги, ограбления церковных касс, протесты прихожан против некоторых священников, аресты, ограбления и изгнания неугодных пастырей, конфликты между высшим и низшим клиром, захват крестьянами церковных земель. Автор приходит к выводу, что случаи, в которых священники стали жертвами произвола, всё же не носили массовый характер в епархии. Показано, что епархиальная и местная светская власти не могли справиться с проявлениями «приходской революции». Делается вывод о том, что «приходская революция» нанесла определенный материальный ущерб епархии, усугубила финансовое положение части духовенства, подорвала авторитет духовной власти, усилила противоречия между высшим и низшим клиром.

Ключевые слова:

конфликты между священниками и прихожанами; церковные земли; изгнание священников; епархиальные сборы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The manifestations of the “church revolution” at the parish level in the Nizhny Novgorod diocese in the spring and summer of 1917 are considered. The novelty of the study lies in the research of the “parish revolution” at the local level based on the analysis of unpublished documents of the Nizhny Novgorod Spiritual Consistory, the provincial commissioner, etc., introduced into scientific circulation for the first time. The author singled out the following manifestations of the “revolution” in the Nizhny Novgorod parishes: the unauthorized setting of prices by the peasants for the fulfillment of the requirements, the refusal to pay diocesan taxes, the robbery of church cash desks, the protests of parishioners against some priests, the arrests, robberies and expulsions of objectionable pastors, conflicts between the higher and lower clergy, the seizure of peasants of church lands. The author comes to the conclusion that the cases in which priests became victims of arbitrariness, nevertheless, were not widespread in the diocese. It is shown that the diocesan and local secular authorities could not cope with the manifestations of the “parish revolution”. It is concluded that the “parochial revolution” caused some material damage to the diocese, aggravated the financial situation of some of the clergy, undermined the authority of the spiritual authorities, and increased the contradictions between the higher and lower clergy.

Key words:

conflicts between priests and parishioners; church lands; expulsion of priests; diocesan fees.

«Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии

© Архипова Н. Е., 2022

1. Введение = Introduction

Февральские революционные события в России нашли своё отражение в церковной жизни. «Церковной революцией» современники называли период с марта по август 1917 года. В это время обострились конфликты на всех уровнях церковного управления: высшем (между Синодом и обер-прокурором), епархиальном (между епископатом и духовенством), приходском (между духовенством и низшим клиром, прихожанами и клиром). С целью освобождения Синода от «реакционного» епископата — символа монархического режима — старый его состав, учрежденный Николаем II, был отправлен в отставку обер-прокурором В. Н. Львовым и заменён новым. В августе 1917 года начал работу долгожданный Поместный Собор, на котором было принято решение о восстановлении патриаршества, что положило конец 200-летнему синодальному периоду Российской Православной Церкви (РПЦ). Обер-прокурор был завален протестами духовенства против местных архиереев. На епархиальном уровне управления по разным подсчётам около 20 правящих архиереев из 68 было уволено в основном по политическим мотивам («распутинщина», черносотенство, монархизм, контрреволюция). Впервые за 1000 лет Временным правительством введена выборность епископата, выборы прошли в 11 епархиях. Историки в своих работах много внимания уделили изучению церковных отношений на высшем и епархиальном уровнях в данный период [Бабкин, 2005; Бабкин, 2006; Rogoznyy, 2008; Фруменкова, 1995]. «Приходская революция» на региональном уровне остаётся на сегодняшний день малоизученной. Отдельные исследователи обратились к данной теме, приводя данные по Саратовской, Оренбургской, Орловской, Пензенской и некоторым другим епархиям [Фриз, 2019; Леонтьева, 2000, С. 279—299]. Американский исследователь церкви Грегори Фриз пишет, что «приходская революция» стала следствием тех процессов, которые начались до 1917 года, но после Февраля церковный кризис усугубился [Фриз, 2019].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Следуя рекомендациям церковного историка Г. Фриза переходить от «исследований церкви как “большого института” к приходскому уровню

функционирования церкви, от жизни архиереев к жизни священников и прихожан», в данной статье рассмотрим, как проявилась «церковная революция» на уровне приходов Нижегородской епархии весной-летом 1917 года, попытаемся определить её масштабы.

Источниками для написания данной статьи послужили дела фонда Нижегородской Духовной Консistorии за 1917 год, содержащие жалобы на священно- и церковнослужителей, просьбы об их удалении, рапорты благочинных о неуплате церковными старостами сборов с церковью. В Журналах и протоколах епархиальных съездов Нижегородской губернии за 1917 год отражены протесты священников против нового порядка раздела причтовых доходов. Фонд Нижегородского губернского комиссара Временного правительства включает документы, где содержатся примеры преследования церковнослужителей. Общая характеристика положения служителей Церкви в период «приходской революции», отзывы сельских священников представлены в отдельных выпусках периодического издания «Нижегородский церковно-общественный вестник» за март — октябрь 1917 года.

Материалы документов позволили описать и проанализировать конфликтные ситуации в приходах, определить их причины и последствия для сторон, выявить роль местной епархиальной и светской власти в решении приходских конфликтов. С помощью количественного анализа предпринята попытка определить материальный ущерб, нанесенный епархии в результате краж денег из церковных ящиков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конфликты между причтом и прихожанами

Весной — осенью 1917 года результатом возрастающего отчуждения и конфликта между прихожанами и приходским духовенством, возникших задолго до революционных событий, стали такие явления, как отказ прихожан платить за требы или установление своих условий требоисправлений, конфискация крестьянами церковной земли, изгнания священников с приходов.

Так, в письме Балахнинскому епископу Лаврентию, vikарию Нижегородской епархии, священник Лукояновского уезда Починковской волости села Дивеева Усада Константин Виноградов, не зная, куда обратиться за помощью, жаловался на невыносимые условия, в которые поставили его прихожане. Явившаяся к священнику вечером 19 марта толпа народа потребовала от него согласия на новые цены за требы: вместо прежних 4 рублей за похороны — 2 рубля, вместо 7 рублей за венчание — 5 рублей, за крещение — 30 копеек вместо 75, за молебны — по желанию крестьян, отмена каких-либо сборов. Опасаясь насилия, священник согласился подписать бумагу. Хотя жить при таких условиях было невозможно, свя-

щенник все же не бросил приход. На полях этого письма сделана запись (вероятно, рукою епископа): «Печально! Это начало гонений на церковь Христову. Надо бы выступить в защиту духовенства в Н.Ц.О.В. и газетах» (Н.Ц.О.В. — Нижегородский церковно-общественный вестник) [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 1—2, 4].

Уполномоченные от крестьян села Елховки Нижегородского уезда Панкратий Камаев и Михаил Шохоботкин обвиняли своего пастыря Конкордия Карелина в увеличении платы за требы, в сокращении церковных доходов, небрежности к богослужению и просили прислать другого священника. Карелин отвергал все обвинения и сетовал на скудное содержание причта села, поскольку установленная по приговору 1871 года денежная руга в сумме 100 рублей в год в течение двух лет не выплачивалась прихожанами по причине «агитации в приходе недобросовестных людей», хотя Губернское присутствие и Духовная консистория отклонили просьбу об освобождении крестьян от её уплаты. Цены за требы, указанные Карелиным в рапорте благочинному (за брак — 3 р., за погребение взрослого — 1 р., за отпевание младенца — 30 коп., за крещение — 20 коп.), были ниже тех, что самовольно установили прихожане села Дивеев Усад. Жалоба на священника была подписана теми прихожанами, которые имели личную обиду на него. Так, клирик отказался венчать душевно больного сына сельского старосты П. Камаева (находился в Ляховской больнице на лечении). Другой подписант, М. Шохоботкин, много лет уклонялся от исповеди и причастия, не посещал храм и постоянно возбуждал приход против пастыря. Сельский староста П. Камаев на крестьянском сходе 25 марта 1917 года был уволен с должности.

Консистория поручила члену благочиннического совета священнику села Шершева Николаю Фигурову произвести опрос прихожан по поводу оставления Карелина в приходе. В целях сохранения церковного мира делегированный в село священник, считая дознание крайней мерой, нервировавшей приход и пастыря, поэтому ненужной, не провёл опроса. В его руки попал официальный акт от 22 мая 1917 года, подписанный 25 крестьянами, в том числе сельским и церковным старостами, старшим милиционером Елховской волости Виктором Лавровым, одним из «видных сторонников нового строя, весьма влиятельным человеком в селе». Согласно этому акту, возмущение против священника было организовано небольшой группой прихожан и не поддерживалось основной массой крестьян. На основании изложенного Фигуров просил возратить дело в Консисторию и оставить в покое приход и пастыря с. Елховки. Ввиду отсутствия недружелюбных отношений между священником и прихожанами Духовная консистория производство дела прекратила. Местный благочинный Ми-

хаил Лавровский не подтвердил информацию о небрежном отправлении богослужений и треб К. Карелиным. [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 197, л. 3, 3 об., 4 об., 8, 8 об., 11].

6 апреля 1917 года благочинный 4-го округа Нижегородского уезда села Терюшева священник Михаил Лавровский в рапорте епископу Балахнинскому Лаврентию сообщал, что «некоторое возбуждение против священников замечается во многих приходах, так как общественному деятелю трудно угодить всем прихожанам». Далее он писал, что «положение священников в приходах теперь крайне неопределённое и тяжелое». Благочинный настаивал на немедленном созыве Епархиального съезда, «который объединил бы духовенство, дал ему руководящие указания», а прихожанам дал возможность высказать свои пожелания. Иначе он опасался полной анархии и разложения церковно-приходской жизни, «революции снизу», не менее губительной для церкви, чем для государства. По его мнению, люди ещё ждали «законного руководства и реформ от епархиальной власти» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 197, л. 1—1об.].

Поводом для недовольства «передовых» крестьян, как они себя называли, являлась верность некоторых священников старому строю. 19 апреля 1917 года в Губернский исполнительный комитет поступило заявление крестьянина села Семьяны Воротынской волости Васильсурского уезда А. С. Зайцева. В нём он указывал на раскол в селе: одни крестьяне сочувствовали новому течению, другие — защищали старый режим. Во главе 2-ой «партии» стоял священник Флеров, который вел пропаганду, особенно среди женщин, о «приходе последних времён, антихриста, голода, огненного дождя». Крестьянин высказал свой протест против постановления сельского схода во главе со старостой о лишении «передовых людей права участия на сходе в течение 3-х лет». Зайцев предлагал как можно скорее «послать депутатов для полного объяснения дел текущего момента» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 5].

Нижегородский Губернский комиссар обращался в Синод с просьбой сделать распоряжение по поводу некоторых священников, которые, агитируя в пользу старого строя, настраивали население против Временного правительства. Губернский комиссар, признавая нахождение таких лиц на священнических местах недопустимым, не раз обращался к викарному епископу Лаврентию об устранении их от должности, о принятии против них мер, но эти просьбы были безрезультатны. Хотя известно, что епархиальное начальство определило поместить священника Архангельской церкви с. Городец Владимира Орлова в один из монастырей «до успокоения народных масс» по причине обвинения его в черносотенстве, ведении пропаганды в пользу прежнего правительства [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 8, 11, 13].

Обвинения духовенства со стороны крестьян в приверженности прежнему режиму могли быть следствием неправильного понимания слов священника отдельными крестьянами. Одно из подобных обвинений исходило от начальника милиции Протасовского волостного комитета, крестьянина прихода села Любимовщины Лукояновского уезда Андрея Маркелова, в задачи которого входило выявление монархической пропаганды. Он обвинял священника указанного села Тимофея Сухорукова в том, что тот в своих проповедях призывал прихожан молиться о восстановлении на престоле Николая II. По словам священника, 12 марта 1917 года в воскресенье после литургии по прочтении Манифеста об отречении от престола Николая II пастырь прокомментировал эти слова: «Теперь в России управляет Временное правительство, распоряжениям которого мы все должны беспрекословно подчиняться». Не должно быть распрей и бесчинств. «Если в России начнётся смута, то этим воспользуются враги нашей Родины. И Россия погибнет». Священник призвал в настоящее время ещё более «прибегать к искренней, душевной молитве, чтобы Бог не оставил нас без своего попечения...». Следователь 4-ого Лукояновского округа священник села Рождествено Николай Троицкий в рапорте Духовной Консistorии заключил, что «обвинение ложное и не соответствует истине». Священник служил на приходе с 1896 года, взысканиям и суду не подвергался. В ходе следствия жалобщик Маркелов отсутствовал, так как был взят на военную службу [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 193, л. 6, 10, 22, 23].

Конфликт между священником Валентином Красовским и частью прихожан, с одной стороны, и другой частью прихожан села Гридино Палецкой волости Нижегородского уезда существовал уже несколько лет. Прихожане не раз обращались в Духовную Консistorию с жалобами о корыстости, «злоупотреблениях и несправедливостях Красовского». Дважды священник получал от архиепископа Иоакима указания найти в двухмесячный срок другой приход, но, по словам крестьян, священник откупался в Консistorии, и снова всё оставалось без изменений. В мае 1917 года представился удобный момент для удаления клирика. Его стали обвинять и во враждебном отношении к Временному правительству. Солдаты, приехавшие в кратковременные отпуска на проведение посевных работ, «решили во что бы то ни стало через власти удалить Красовского из села». Солдаты в своём прошении использовали политическую лексику, указывая на существование в селе двух «партий» — сторонников священника (75 человек) и противников (200 человек — большинство). По словам солдат, Красовский открыто заявлял, что «не уйдёт из села, пока не победит другую партию». Солдаты просили Балахнинского епископа Лаврентия назначить нового священника, угрожая расправой над негодным пастырем [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 202, л. 1—2 об.].

Крестьяне села Котовки Ардатовского уезда обвиняли своего священника Константина Веселовского в спаивании прихожан денатурированным спиртом, в продаже им этого спирта, в грубости по отношению к прихожанам. В ходе следствия выяснилось, что после Пасхи, когда прихожане пришли к священнику с решением о новых расценках на требы, священник, обозвав их «грабителями и ворами», отказался подписать приговор. Прихожане стали требовать от него церковные ключи. По словам священника, еще летом 1916 года, опасаясь угроз пастуха выгнать его корову из стада, священник угостил его «рюмкой ямайского рома». Поскольку угрозы от пастуха продолжились, батюшка купил ему бутылку спирта, чтобы тот больше его не беспокоил. Священник также показал, что терпел обиды со стороны крестьян, которые выкосили все луга в ближайшем овраге площадью 1,5 десятины и 23 сажени в другом месте не по плану генерального межевания. В итоге консистория признала священника виновным в единичной продаже денатурированного спирта пастуху, сделала священнику выговор и взыскала с него 12 р. 50 к. за производство следствия. Между тем жалоба на священника как бездоказательная оставлена без последствий [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 3, л. 398, л. 404 об., л. 406—407].

В селе Островском Княгининского уезда диакон Иоанн Рыбаков обвинялся в возмущении крестьян против Временного правительства, в несогласии с новым гражданским правом, в возбуждении им местной княгини Чегодаевой против крестьян, в неаккуратном исполнении богослужебных обязанностей. Уполномоченный села Островского крестьянин Иван Степанович Макаров от имени прихожан просил заменить диакона. Следствие в лице священника Александра Никольского обнаружило следующее: диакон И. Рыбаков виновным себя не признал, указав, что уполномоченный от прихожан Макаров и церковный староста Сбитнев ещё ранее добивались удаления его из прихода, но безрезультатно. По словам диакона, Макаров составлял подложные крестьянские приговоры об удалении клирика. Обвиняемый был согласен перейти в другой приход при условиях вознаграждения его за убытки. Священник Анатолий Бесстужев и крестьяне на следствии показали, что против Временного правительства диакон ничего не говорил. Часть крестьян подписала обвинительный приговор на сходе, не зная о его содержимом, другие — потому, что священник не хотел служить с Рыбаковым. Крестьянам также не нравилось, что диакон тесно общался с местной помещицей княгиней Чегодаевой.

Священник отметил почтительность диакона в начале его служения в данном приходе. Опоздания и пропуски служб начались с ноября 1916 года, когда Рыбаков стал счетоводом в Потребительском обществе деревни Домашней. Недовольство диаконом в приходе было с самого начала

его служения в селе, а в период революции оно усилилось. Но священник уговаривал прихожан решить дело законным путем, в случае самоуправства грозясь покинуть приход. Это дало повод говорить, что священник уходит из-за диакона. Сход запретил священнику облачать диакона, но священник благословил его служить в храме.

Псаломщик Борис Святицкий показал, что недовольство Рыбаковым было связано с открытым отстаиванием им церковно-земельных интересов. Часть крестьян вела с причтом тяжбу относительно отруба 12 десятин причтовой земли. По решению Макарьевского уездного съезда от 20 июля 1916 года этими десятинами завладели крестьяне. Губернское присутствие 27 апреля 1917 года отменило решение уездного съезда и передало дело для нового рассмотрения в тот же съезд. Рыбаков по доверенности священника принимал активное участие в деле о восстановлении права владения землёй.

Предыдущие годы служения диакона в других приходах не были безурочными. Он подлежал взысканиям за немирлобие к священникам, получал выговоры и предупреждение о переводе в другой приход, подвергался надзору местного благочинного, за склонность к кляузам и вражду с окружающими переводился в другой приход.

Следствие пришло к выводу, что обвинения в приходе села Островского против диакона не имели оснований. Это ещё более разозлило крестьян. Они потребовали немедленного удаления диакона из прихода, говоря, что «теперь наша власть народная и мы всё вправе сделать», «мы все обвинения диакона подтверждаем, а давать частные показания не желаем». То есть крестьяне уклонялись от несения личной ответственности за показания. По постановлению Островского сельского комитета в течение суток диакон должен был оставить квартиру, иначе комитет грозил насильственно выселить его семью, а самого арестовать [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 195, л. 1—2 об., 10 об., 11, 12, 13 об., 14, 18 об.; д. 192, л. 26, 26 об., 81]. Согласно резолюции епископа Балахнинского от 18 ноября 1917 года, диакон Рыбаков был назначен священником в село Ново-Ахматово Сергачского уезда. Жалоба на него как бездоказательная была оставлена без последствий [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 3, л. 449].

3.2. Удаление священников из приходов прихожанами

Согласно циркулярному распоряжению обер-прокурора Синода, в случаях жалоб на священников и церковнослужителей епископам рекомендовано производить немедленное дознание и предавать суду или переводить ради церковного мира в другие места. При бездействии епархиальной власти самочинные аресты священников подрывали авторитет духовной власти. Так, насилие и оскорбления прихожан села Темашева Лукояновского уезда в адрес священника Павла Яковлева вынудили его 21 марта подать проше-

ние о временном увольнении за штат. Под влиянием темашевских крестьян прихожане села Ирсети глумились над священником Алексеем Архангельским, а затем самовольно арестовали его и доставили пешком в заштатный город Починки, не дав ему окончить пасхальные молебны в своём селе. Священники соседних сел отказались служить в этих беспокойных сёлах. Консистория просила губернского комиссара принять меры для защиты духовенства от насилия прихожан. Комиссар обращался к волостным комитетам с указанием разъяснять населению, «что всякое недовольство прихожан на причт должно разрешаться путем жалоб, подаваемых епископу, никакие самоуправства недопустимы». Комиссар писал о «ненормальных взаимоотношениях священнослужителей и прихожан как явлениях более или менее распространяемых и требующих мер со стороны епархиального начальства» [ГКУ ЦАНО, ф. 1882, оп. 1, д. 14, л. 237, 238].

30 апреля 1917 года «Нижегородский церковно-общественный вестник» сообщал, что в связи с просьбами некоторых прихожан об удалении из их приходов священников епархиальное начальство предложило благочинным для защиты прав духовенства просить защиты уездных комиссаров. О случаях насилия над духовенством требовалось доносить епархиальному начальству с целью принятия последним «защитных мер» [Из местной ..., 1917, 30 апреля]. В то же время священник Константин Коринфский в одном из майских номеров «Церковного вестника» замечал, что со стороны уездных комиссаров «мало заступничества»: крестьянам не объяснялась незаконность их действий в отношении духовенства, в том числе арестов клириков (даже ночью), наоборот, нередко замечалось «попторство и содействие». На губернском собрании уездных комиссаров был выдвинут лозунг — «борьба с черносотенным духовенством». По словам Коринфского, если священник по привычке, механически произносил в ходе богослужения имена бывшей царской династии, то это воспринималось народом не как ошибка, а как «приверженность старому строю», что становилось основанием для выступления против священников и их удаления. Иногда в увольнительных приговорах прихожане указывали немислимый срок (несколько дней), в течение которого священник должен был покинуть приход [Коринфский, 1917].

Известно ещё несколько случаев изгнания священников из приходов. Крестьяне села Аламаева Арзамасского уезда удалили из прихода священника Павла Каллистова, отобрав церковные документы, печать и ключи от церкви. Арзамасский Общественный комитет принял решение об удалении из прихода села Волчихинского Майдана священника Арсения Грацианова и об определении на его место избранного прихожанами диакона села Салалей Арзамасского уезда Василия Колокольцева. Однако Консистория не

была согласна с таким решением, поскольку диакон по причине недостаточного образования и малого опыта службы не мог быть рекомендован на священническое место в беспокойный приход «в столь трудное переходное время» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 6, д. 3, л. 207 об.].

На чрезвычайном епархиальном съезде духовенство и миряне слушали переписку об удалении из прихода села Василёва Врага священника Михаила Геликонова. Президиум съезда просил епископа принять меры к обеспечению священника местом [Заседание ..., 1917].

Уход священников из приходов мог сопровождаться ограблением прихожанами. Так, например, священник Александр Конаревский был перемещен 13 июля 1917 года из села Ново-Ахматово Сергачского уезда в село Ивково того же уезда. Новые прихожане приехали забрать пчельник и имущество священника из прежнего села. Это озлобило некоторых ахматовских крестьян. Сельский староста А. М. Щелоков и церковный староста М. Е. Кузнецов с толпой людей запретили забирать имущество, требуя от священника деньги. Последний хотел обратиться к милиции, но толпа унесла колесо от подводы. Другая часть людей ограбила священника на сумму 300 рублей, забрав имущество. Кроме того, со священника крестьяне незаконно взяли около 200 рублей, в том числе 100 рублей за сданную Конаревским двум крестьянам и неспаханную ими часть поля, 22 рубля волостных сборов за весь 1917 год (хотя нужно было заплатить только за 6 месяцев), 29 рублей — за пастбище для коровы и т. д. Возмущенная толпа требовала денег даже за то, что жена священника стирала белье в пруду, за пользование колодцем и т. д. [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 213, л. 1—3].

3.3. Захват крестьянами церковных земель

Ещё 30 марта в местном церковном вестнике вышла заметка священника Алексея Веселовского о значимости сохранения церковной земли у сельского духовенства. По его мнению, благочинные спали «непробудным сном» и не принимали мер защиты сельского духовенства. Автор предлагал немедленно собрать окружные съезды, образовать союз духовенства с целью отстаивания его интересов. В случае потери земли задача союза — добиваться возмещения земельных убытков за счет казенного жалования. Сельский священник с сожалением признавал, что в этих условиях сельское духовенство не могло иметь союзников в лице городского [Веселовский, 1917].

К середине июля 1917 года церковный вестник сообщал, что епархиальное начальство получало от многих причтов церквей просьбы защитить их от действий крестьян, отнимавших церковно-причтовую землю бесплатно или за ничтожную сумму, которую назначали сами крестьяне. Подобные просьбы отсылались гражданским властям [Из местной ..., 1917, 22 июля].

Однако в отношении конфискации церковных земель более всего жертвами крестьянского произвола становились монастыри. 12 июля «Нижегородский церковно-общественный вестник» писал, что «многие монастыри епархии, особенно женские, подвергались нападкам со стороны крестьян соседних сел». Крестьяне самовольно косили монастырские луга, портили монастырские сады и огороды. Просьбы в местную и губернскую администрации о защите от самоуправства крестьян оставались без удовлетворения [Из местной..., 1917, 12 июля].

Во владении Арзамасского Новодевичьего Алексеевского монастыря находилось около 50 десятин сенокосных лугов при деревне Бебьевой и селе Пешелани. Настоятельница монастыря игуменья Евгения с тревогой сообщала в Консисторию, что 28 июня 1917 года крестьяне данных селений силой согнали рабочих и сестёр монастыря с сенокосных работ и скошенное сено увезли. Крестьяне еще в начале июня заявили, что не допустят монастырь к сенокосу. В такой ситуации настоятельница обращалась за поддержкой к местному Уездному Комиссару, который дал распоряжение волостному комитету. В соответствии с ним крестьяне данных селений могли воспользоваться сенокосом только в случае излишек сена у монастыря. Комитет был обязан принять меры по недопущению насилия. Комиссар поручил участковому агроному определить обеспеченность крестьян своими лугами и возможность пользования лугами монастыря. Однако агроном, не выяснив на месте все условия пользования лугами, разрешил крестьянам косить на землях монастыря вопреки соглашению со стороны последнего [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 212, л. 1—2; ф. 1882, оп. 1, д. 14, л. 111].

Весной 1917 года настоятельница Арзамасского Николаевского общежительного монастыря игуменья Евфросиния сообщала благочинному монастырей и общин Нижегородской епархии, настоятелю Благовещенского монастыря игумену Нектарию об отобрании крестьянами деревни Ознобишино Ардатовского уезда 1800 сажень монастырской земли, сданной в аренду на 12 лет двум крестьянам указанной деревни. При этом Ознобишинский исполнительный комитет постановил землю Николаевского монастыря признать за деревней [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 212, л. 4, 4 об., 5].

3.4. Конфликт между священно- и церковнослужителями в приходах

Давний конфликт между высшими и низшими членами клира, основной причиной которого было неравномерное распределение доходов, усилился после Февраля 1917 года. Нередко низшие члены клира играли роль закулисных агитаторов и подстрекателей прихожан против настоятеля.

Священник 2-ого округа Сергачского уезда села Барских Полян Успенской церкви Фёдор Золотницкий весной 1917 года неоднократно просил

у Балахнинского епископа, у благочинного защиты от произвола, клеветы и угроз насилия псаломщика Леонида Померанцева. Со времени поступления в приход (1912 год) псаломщик старался подорвать доверие к священнику среди прихожан, оскорбляя его, отправляя неподтвержденные жалобы благочинному. При новом Временном правительстве негативные действия псаломщика в отношении настоятеля активизировались. Он стал агитировать по всему селу, что «архиереи рассажены по тюрьмам, что теперь церковные вопросы и судьбу священнослужителей вершит народное право». Псаломщик публично называл настоятеля вором, злопамятным, другом пристава, обвинял его в поборах с прихожан, в участии в черносотенном собрании духовенства в Н. Новгороде, на котором «предполагалось выработать план монархического строя». В случае ухода из прихода священник опасался лишиться урожая и дохода с земли, вспаханной и засеянной им самим. Пастырь просил переместить псаломщика в другой приход.

Дважды следствие по делу объявлялось незаконченным, поскольку судебному следователю 2-ого округа священнику села Лопатина Михаилу Троицкому было оказано сопротивление группы крестьян во главе с псаломщиком, которые требовали прекратить следствие, оскорбляя следователя и священника, угрожая расправой, изгнанием пастыря. В отсутствие батюшки толпа крестьян, вломившись в его дом, требовала ухода, угрожая погромом, милиционер забрал ключи от храма. Во время второй попытки следствия священник отказался прибыть на допрос, опасаясь физического насилия со стороны полянских крестьян. Сам же следователь был под давлением удален из села. Консistorия обращалась к местному волостному и уездному комитетам с просьбой о содействии Троицкому в производстве следствия, но данные органы никакой помощи не оказали. В результате Консistorия приняла решение о прекращении следствия «по причине невозможности его проведения вследствие возбужденности прихожан».

В начале мая священник Золотницкий покинул село Барские Поляны. Между тем епископ Лаврентий получил прошение уполномоченных от «граждан» деревни Сурки Сергачского уезда. Крестьяне этой деревни составляли 2/3 прихожан церкви села Барских Полян. Уполномоченные жаловались епископу на то, что неприлежные к храму прихожане Барских Полян самовольно, без согласия сурковцев выгнали уже 5 священников, в том числе Золотницкого, лишив жителей богослужений. В таких условиях сурковские крестьяне опасались влияния пашковских сектантов, которые переселились в их деревню. Согласно приговору сурковских граждан от 25 мая 1917 года, уполномоченные просили перенести церковь и церковные дома из Барских Полян в деревню Сурки. Так, небольшая группа прихожан, воинственно настроенных против настоятеля, могла нарушить церковную жизнь всего прихода.

В отношении псаломщика Померанцева Консистория 12 июля 1917 года за грубое отношение к священнику и за возбуждение против него прихожан села Барских Полян сделала строгий выговор с предупреждением об отстранении от места и увольнении за штат, если он будет также относиться к новому настоятелю храма. Местному благочинному и настоятелю храма поручено иметь за Померанцевым надзор и «в первом случае его ненормальных отношений к настоятелю донести Консистории». Таким образом, наказание было достаточно мягким [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 211, л. 1 об., 2, 3 об., 13, 26, 27, 29—29 об., 30, 34—40, 53—55, 71—72, 87].

Противостояние и раздор между священно- и церковнослужителями в епархии усилились вследствие решения Чрезвычайного Епархиального съезда духовенства и мирян 15—18 мая 1917 года относительно разделения доходов между членами причтов в новой пропорции, по которой доходность псаломщика должна была увеличиться за счёт средств священника. Основанием для этого стал малый доход псаломщиков. Это вызвало обоснованную негативную реакцию священников. Постановление епархиального съезда нарушало синодальное определение 1887 года. Проблема распределения доходов тяжело обсуждалась на съезде и была решена в пользу псаломщиков только благодаря поддержки мирян. Возникал вопрос о правомочности обсуждения мирянами дела, касающегося интересов причта. Миряне, не ища иных источников обеспечения, в том числе из своих доходов или из казны, выбрали наиболее легкий способ решения вопроса — за счет священников. Ввиду многочисленных протестов со стороны духовенства против постановления съезда епископ Лаврентий определил данный вопрос предварительно обсудить на благочиннических собраниях, а затем на будущем епархиальном съезде. То есть это решение съезда не было утверждено епископом и не было опубликовано в местной епархиальной прессе для сведения причтов. Однако оно стало проводиться в жизнь явочным порядком. Дьяконы и псаломщики придавали этому решению самостоятельную и непреложную силу, требуя немедленного его исполнения, в том числе даже относительно майских доходов [ГКУ ЦАНО, ф. 1016, оп. 2, д. 1, л. 118, 118 об., 152; по вопросу ..., 1917].

3.5. Отказ от уплаты приходами епархиальных сборов

Ещё одно важное проявление «приходской революции» — «налоговое восстание»: приходы отказывались платить обязательные епархиальные сборы. Недовольство сборами не было новшеством в церковной жизни. Ситуация с налогообложением православных приходов в пользу епархиальных учреждений и благотворительных организаций была очень тяжелой ещё с конца XIX — начала XX веков. Это хорошо показал А. Л. Беглов. Он пришёл к выводу, что приходские отчисления, иногда составлявшие более

половины доходов церквей, были причиной бедности и слабости приходов как религиозных общностей. Эти сборы были основанием для постоянного недовольства со стороны прихожан приходским духовенством, которое выступало в роли фискального агента [Беглов, 2014]. Недовольство прихожан сборами усилилось во время войны, так как епархиальное начальство увеличило сборы на благотворительную деятельность, в то же время по причине инфляции и призыва кормильцев упали приходские доходы.

В Нижегородскую консисторию поступали рапорты благочинных о нежелании приходов платить церковные сборы на епархиальные нужды. Так, 7 августа 1917 года благочинный 4-ого округа Княгининского уезда священник Иоанн Никольский просил Консисторию принять меры, так как увещевания и разъяснения не имели результата. Церковные старосты трёх церквей отказались платить сборы, ссылаясь на запрещение сельских сходов. О том же писали другие благочинные: 2-ого Лукояновского округа священник Александр Соколов, 3-ого округа Ардатовского уезда священник Николай Золотницкий. Последний, указывая на отказ 6 приходов платить церковные налоги, предлагал взыскать суммы через Губернского комиссара или «лишить неисправные приходы выдачи необходимого количества вина, ладана, свеч из епархиальных лавок» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 1, 2, л. 7].

Благочинный 2-ого округа Ардатовского уезда священник Александр Бессонов сначала сообщал, что приходские советы при церквях двух сёл — Кузятovo и Серякуш — отказались платить церковные сборы, но затем доложил, что один (с. Серякуши) из двух приходов внёс плату. Церковно-приходской комитет с. Кузятovo отложил внесение средств за первую половину года до Учредительного Собрания и «основания законных правил» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 9].

В некоторых приходах возвращавшиеся с фронта солдаты, именовавшие себя большевиками, захватив власть в селе, запрещали церковному старосте платить сборы. Антиклерикальные настроения солдат были обусловлены и тем, что Церковь поддерживала продолжение войны, и зараженностью на войне еретическими учениями. В других приходах основанием для отказа от уплаты становилась малочисленность прихожан в период войны (с. Арманиха Нижегородского уезда) [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 45, л. 50].

3.6. Кражи церковных денег

Еще одним проявлением «революции» на приходах стали похищения из храмов денег, которые предназначались для уплаты церковных налогов. Например, об этом сообщал благочинный 4-го округа Арзамасского уезда священник Дмитрий Левашов. По его словам, подозрение в ограблении

церкви села Большие Печёрки падало на местного псаломщика. Архивное дело о рапортах благочинных по поводу похищений из церквей епархии содержит 16 сообщений указанных лиц. На их основе можно сделать вывод об ограблениях за несколько месяцев (май — октябрь 1917 года) церковных ящиков на сумму более 2000 рублей, не считая стоимости церковной утвари [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 168, л. 1—25]. Конечно, преступления происходили и на почве тяжелого социально-экономического положения большинства населения в условиях инфляции, спекуляции в военно-революционное время, ухудшения общей криминальной обстановки.

4. Заключение = Conclusions

«Приходская революция» в Нижегородской епархии проявилась в следующем: самовольное установление крестьянами цен за исправления треб, отказ платить епархиальные налоги, ограбления церковных ящиков, протесты прихожан против некоторых священников, аресты и изгнания неудобных клириков из приходов, сопровождающиеся их ограблением крестьянами, конфликты между высшими и низшими клириками на приходах, захват крестьянами церковных земель, в основном женских монастырей, где не могло быть оказано силовое сопротивление, что наносило материальный ущерб епархии. Недовольство прихожан священником могло быть вызвано одним его словом в пользу прежнего режима, завышенными ценами на требы, старыми личными обидами, подстрекательской деятельностью низших членов клира. Недоказанные обвинения духовенства в неприятии нового строя были «модными», соответствовали духу времени. Даже небольшая группа прихожан, но резко отрицательно настроенная к священнику, могла создать ему невыносимые условия жизни в приходе. Другая, лояльно настроенная, часть прихода могла стать пострадавшей стороной, лишившись пастыря. Говоря о масштабах «революции», затруднительно определить количество удаленных из приходов, арестованных, лишенных земли, пострадавших членов клира. Отдельные дела Духовной консистории подробно описывают конкретные конфликтные ситуации на сельских приходах епархии. Церковная печать и рапорты благочинных содержат расплывчатые формулировки о просьбах «некоторых прихожан об удалении из их приходов священников», о «некотором возбуждении против священников... во многих приходах», о просьбах «многих причтов церквей» защитить их от крестьян, отнимавших землю. На основе анализа использованных в данной статье источников указано на 15 случаев, в которых в той или иной степени от действий прихожан или низшего клира пострадали служители Церкви. Скорее всего, подобные ситуации в Нижегородской епархии не имели массового характера, но они вызывали у священников

страх за свое будущее и своей семьи. Однако ни епархиальная, ни местная светская власти не могли справиться с «приходской революцией». Епархиальный съезд, приняв решение о перераспределении причтовых доходов в пользу псаломщиков в ущерб священникам, усилил раскол между священно- и церковнослужителями. Хотя епископ не утвердил решение, оно вводилось на местах явочным порядком. Сельское духовенство в своих нуждах по-прежнему далеко отстояло от городского. В сознании части народа господствовало представление об отсутствии в данный момент законов и законодательных органов (до Учредительного собрания). Под влиянием революционного духа свободы некоторые прихожане, низшие клирики почувствовали себя хозяевами в церковном приходе. Обращения Консистории к губернским и уездным комиссарам за защитой духовенства не имели результатов. Местная власть в лице комиссаров встала на линию борьбы с якобы черносотенным духовенством. Возможно, это останавливало многих священнослужителей от подачи официальных жалоб как не имеющих смысла. Самочинные расправы прихожан со священниками подрывали авторитет духовной власти. Чувствуя себя беззащитными, священники были вынуждены самостоятельно искать выход, соглашаясь на требования прихожан или покидая храмы. Тем самым «приходская революция» 1917 года усугубила без того тяжелое материальное положение сельских священников епархии.

Источники и принятые сокращения

1. *Веселовский А.* К вопросу о Церковных землях / А. Веселовский // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — № 10. — 30 марта.
2. ГКУ ЦАНО — Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1917 г. Д. 3. Л. 207 об. Л. 398. Л. 404 об. Л. 406—407. Л. 449. Д. 168. Л. 1—25. Д. 193. Л. 6, 10, 22, 23. Д. 195. Л. 1—2 об., 10 об., 11, 12, 13 об., 14, 18 об.; Д. 192. Л. 26, 26 об., 81. Д. 197. Л. 1—1 об. Л. 3, 3 об., 4 об., 8, 8 об., 11. Д. 202. Л. 1—2 об. Д. 208. Л. 1, 2. Л. 7. Л. 9. Л. 45. Л. 50. Д. 211. Л. 1 об., 2, 3 об., 13, 26, 27, 29—29 об., 30, 34—36, 40, 53—55, 71—72, 87. Д. 212. Л. 1—2. Л. 4, 4 об., 5. Д. 213. Л. 1—3. Д. 216. Л. 1—2, 4. Л. 5. Л. 6. Л. 8, 11, 13.
3. ГКУ ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 1. Л. 118, 118 об., 152.
4. ГКУ ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 14. Л. 111. Л. 237, 238.
5. *Заседание Президиума Чрезвычайного Епархиального съезда* // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — № 4. — 22 июля.
6. *Из местной епархиальной хроники.* Нападки на монастыри // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 12 июля.
7. *Из местной епархиальной хроники.* Постановление Епархиального начальства об удаляемых из приходов священниках // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 30 апреля.
8. *Из местной епархиальной хроники.* Своеволие крестьян // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 22 июля.

9. *Коринфский Константин*. Приходская жизнь в деревне / Коринфский Константин // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 21 мая.

10. *По вопросу* о разделе доходов между членами причтов // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 12 июля.

Литература

1. *Бабкин М. А.* Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (участие духовенства в революционных торжествах) / М. А. Бабкин // Вестник Московского государственного университета, Серия 8: История. — 2006. — № 1. — С. 70—90.

2. *Бабкин М. А.* Святейший Синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917-м году / М. А. Бабкин // Вопросы истории. — 2005. — № 2. — С. 97—109.

3. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. / А. Л. Беглов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Серия 2: История. История РПЦ. — 2014. — № 57 (2). — С. 56—81.

4. *Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир, 1905—1922 / Т. Г. Леонтьева // Академик П. В. Волобуев. — Москва, 2000. — С. 279—299.

5. *Рогозный П. Г.* Церковная революция. 1917 год / П. Г. Рогозный. — Санкт-Петербург : Лики России, 2008. — 224 с.

6. *Фриз Г.* «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция / Г. Фриз // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2019. — № 1—2. — С. 30—57.

7. *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство в 1917 г. / Т. Г. Фруменкова // Из глубины времен. — 1995. — № 5. — С. 79.

Material resources

Corinthian Constantine. Parish life in the village. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 21 May*. (In Russ.).

From the local diocesan chronicle. Decree of the Diocesan authorities on priests being removed from parishes. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 30 April*. (In Russ.).

From the local diocesan chronicle. Self-will of the peasants (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 22 July*. (In Russ.).

GKU TsANO — *State Treasury Administration of the Central Archive of the Nizhny Novgorod Region*.

Meeting of the Presidium of the Extraordinary Diocesan Congress. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 4: 22 July*. (In Russ.).

On the issue of the division of income between members of the clergy. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 12 July*. (In Russ.).

Veselovsky A. (1917). On the issue of Church lands. *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 10: 30 March*. (In Russ.).

References

Babkin, M. A. (2005). The Holy Synod of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy in 1917. *Questions of history, 2: 97—109*. (In Russ.).

- Babkin, M. A. (2006). Hierarchs of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy in Russia (the participation of the clergy in revolutionary celebrations). *Bulletin of the Moscow State University, Series 8: History, 1*: 70—90. (In Russ.).
- Beglov, A. L. (2014). Orthodox Parish of the Russian Empire as an Object of the Fiscal Policy of the Secular and Church Authorities in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, Series 2: History, 57 (2)*: 56—81. (In Russ.).
- Friz, G. (2019). “Churchification” of 1917: church crisis and parish revolution. *State, religion, church in Russia and abroad, 1—2*: 30—57. (In Russ.).
- Frumenkova, T. G. (1995). The highest Orthodox clergy in 1917. *From the depths of time, 5*: 79. (In Russ.).
- Leontieva, T. G. (2000). The clergy and the rural world, 1905—1922. In: *Academician P. V. Volobuev*. Moscow. 279—299. (In Russ.).
- Rogozny, P. G. (2008). *Church Revolution. 1917*. St. Petersburg: Faces of Russia. 224 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 14.05.2022.